

А. В. АШАЕВА

**«СУЩЕСТВУЕТ ЛИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ АНТИЧНОСТЬ?»
к исследованиям рецепции греко-римской античности
в странах Центрально-Восточной Европы***

В статье рецензируются коллективная монография *Classics and Class. Greek and Latin Classics and Communism at School*. Warszawa: Wydawnictwo DiG, 2016 («Классики и класс. Греческие и латинские классики и коммунизм в школе»), а также издание *A Handbook to Classical Reception in Eastern and Central Europe*. Oxford: Wiley-Blackwell Pub., 2017 (Справочник по рецепции античности в Восточной и Центральной Европе), в которых демонстрируется, что проблема рецепции античности становится не только предметом академического интереса, но и актуальной повесткой обсуждения культурной политики, исторической памяти, исторической и культурной идентичности стран Центрально-Восточноевропейского ареала. Этот интерес, в случае с осмыслением античного наследия, оказывается основанным не столько на географических, сколько на социокультурных границах. Под локацию Центрально-Восточноевропейского региона попадают 13 стран (включая помимо Хорватии, Словении, Чехии, Польши, Венгрии, Румынии, Боснии и Герцеговины, Сербии, Черногории, Болгарии, России также Армению и Грузию). Рецензируемые издания, по сути, подводят окончательную черту под вопросом о существовании еще одной самостоятельной традиции обращения к античному прошлому в контексте культурно-исторической специфики региона.

Ключевые слова: греко-римская античность, антиковедение, рецепция античности, Центрально-Восточная Европа, социализм

В знаменитой фултонской речи 1946 г. У. Черчилль впервые обозначил на карте Европы границу, названную впоследствии «железным занавесом», который разделил не только территорию Европы на Западную и Восточную, но и культурно-историческую идентичность, историческое сознание двух сторон – Центрально-Восточной части Европы и Западной. Это способствовало возникновению т.н. социалистического антиковедения. Именно античное наследие, как утверждал Черчилль, позволило Греции не оказаться «по ту сторону занавеса»¹. Став буфером или «пограничьем» между Востоком и Западом, Восточная Европа сформировала свое особое отношение к греко-римскому наследию, выразившееся в крайней степени вовлеченности антиковедения в общественно-политическую ситуацию социалистического режима, при котором античность и науки об античности выступали одновременно и элементом научно-образовательной политики коммунистического пра-

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-01-00353 «Рецепция античности: современные историографические и социокультурные практики».

¹ См.: Churchill 2004. P. 288.

вительства, и флагманом диссидентской борьбы за свободу. Однако, как оказывается, науки об античности не потеряли своего крайне политизированного статуса и сегодня. После «бархатных революций» в государствах Восточной Европы, науки об античности и само греко-римское наследие становятся элементом идеологизированной оценки роли и места культур Центрально-Восточной и Южной Европы в локусе общеевропейского пространства², но также поводом для переосмысления недавнего прошлого Восточной Европы и поисков антиковедами нового методологического пути. Последнее утверждение можно свести к двум диаметрально противоположным и в то же время неразрывно связанным положениям – уход от традиций «социалистического антиковедения» после 1989 г. и продолжение традиций, обоснованное самим фактом существования проблемы «восточноевропейской античности» и ее политической, в т.ч. современной, оценки.

Предмет исследования в проекте и итоговой публикации – «Классики и класс. Греческие и латинские классики и коммунизм в школе»³ – социалистическая модель классического образования, рассмотренная как институционализация самого процесса обращения через научные и образовательные практики к античной истории и культуре. Неподцензурное по своим методам и сюжетам обращение к античности возводится в статус «героического» поступка (что в целом характерно для практик конструирования памяти в странах Восточной Европы), а риторика переживания социалистического прошлого как «травмы» приводит авторов к идее написания истории образовательных институтов и

---

² Об этом свидетельствует ряд проектов последних лет, призванных реабилитировать знание об античности и представить его «антикоммунистическую» сущность: например, специально созданная фокус-группа и серия семинаров в Центральном Европейском университете (Будапешт) – «Gnôthi seauton! Classics and Communism. The History of the Studies on Antiquity in the Context of the Local Classical Tradition in the Socialist Countries 1944/45–1989/90» (<https://www.ceu.edu/event/2013-11-22/classics-and-communism>); лаборатория по изучению рецепции античности в детской литературе «Our Mythical Childhood... Classics and Children's Literature Between East and West» при Варшавском университете <http://www.kamar.domeczek.pl/OMC%20www/Our%20Mythical%20Childhood.html>); группы по изучению рецепции античных образов в театральном искусстве стран Центрально-Восточноевропейского региона в 1945–1989 и после 1989 г., отражающие взаимосвязь между коммунистическим режимом и внутренним сопротивлением посредством культурных практик, как единственно возможных и понятных большому количеству людей (Classical Antiquity on Communist Stage in Poland 2015. P. 1-8); аналогичные проекты были осуществлены в Болгарии (<http://arionbg.info/>) и Чехии (<http://www.olympos.cz/>).

³ Classics and Class 2016. См. также: Greek and Roman Classics in the British Struggle for Social Reform 2015. Первым же итогом польско-венгерско-словенского проекта «Классики и коммунизм. Греческий и латынь за железным занавесом 1944/45-1989/90» стала публикация одноименного сборника статей. См. рецензию на это издание: Брагинская 2014. С. 324-342.

традиций, в которых реализовывались исследования и передача знаний об античности. Повествование построено на истории национальной образовательной и культурной традиций, где в меняющихся реалиях послевоенного обустройства новоиспеченного социалистического лагеря античности и преподаванию классических дисциплин отводится гипертрофированная роль «буржуазного» прошлого, которое не входит в картину идеального коммунистического будущего.

Книга разделена на 5 разделов: в их центре оказываются коммунисты Великобритании; СССР; собственно страны Центрально-Восточной Европы; финансовая и комплементарная помощь и взаимодействие классицистов с западноевропейскими и американскими коллегами; и, наконец, практики адаптации статуса античности к ситуации цензуры и диктата социалистической культуры. Открывает книгу программная статья английских антиковедов Э. Холл и Г. Стида «Между партией и башней из слоновой кости: классики и коммунизм в Британии 1930-х». Согласно авторам, «британская марксистская интеллектуальная традиция, основанная в 1930-е, базировалась меньше на литературе английской, чем на греко-латинской»⁴, и это позволяет рассматривать обращение к античному наследию не только как направление классицизма, связанного с модернистской поэзией, но и как определенную корреляцию с социальными изменениями, которым способствовали «классически образованные люди, увлеченные коммунизмом, создав реальное пространство между Партией и “башней из слоновой кости” где в исследованиях, литературе и культурных практиках можно было встретить как наследие античного Средиземноморского мира, так и борьбу за социальный прогресс» (31). Появление в 1930-е такой группы, куда входили известные антиковеды и популяризаторы античности (Б. Фаррингтон, Дж. де Сент-Круа, Дж. Деруэнт Томсон, Дж. Линдсей и др.) и даже специализированного издания “*Left Review*”, спровоцировало дискуссии о возможностях античной культуры в борьбе за социальные изменения (30). Так доступ к классическому образованию и к античному наследию стал решающим аргументом в борьбе коммунистов Британии за классовое равенство в 1930-е и ранние 1940-е гг.

Иную ситуацию показывает в статье «Изучение истории классических исследований в Советской России» Н.В. Брагинская. Предлагая обозначить понятием «агиографическая парадигма» описание «мифов», которые академическое сообщество создает о самом себе, Брагинская отмечает, что «агиографический канон» имеет глубокие исторические корни, поскольку ученые девятнадцатого века, в определенной степени, унаследовали образ средневековых ученых, которые были почти исключительно монахами, отсюда и популярный образ суровой эконо-

⁴ Classics and Class 2016. P. 4. Далее страницы указываются в тексте статьи.

мии» (42). Большая часть истории науки и написана не из-за интереса к истории идей, а для «ритуальных целей», поэтому в таких текстах, «как правило, ... нет места не только для критики, но и для анализа или сравнений» (42)⁵. Однако «агиографический канон» используется также и в контексте «мученичества» антиковедов, которое редко проявлялось в своем непосредственном значении. Архетип мученика, по мнению Брагинской, «опасен, поскольку молодые поколения ученых склонны моделировать себя после своих учителей и это в определенном смысле намного проще для человека и даже для целого сообщества – смоделировать себя после мученика, чем после героя и его великих достижений» (43). Сложившаяся после распада СССР тенденция представлять ученых, в частности антиковедов, в роли мучеников и жертв советско-социалистического режима, сохранилась и по сей день, только, как замечает Брагинская, роли в истории мучеников «нелегко определить, поскольку жертвы и палачи время от времени менялись местами» (43). В поле зрения властей и политического контроля чаще попадали исследователи, «которые производят сложные теории о человеческой культуре в целом и не сосредотачиваются на нескольких греческих словах или одной текстовой поправке» (45), и этот несчастный тип ученых в той или иной степени также подвергался воздействиям идеологически верной доктрины. Таким образом, возникает парадоксальная ситуация, при которой, с одной стороны, находятся антиковеды, неизбежно вовлеченные в идеологию и политику как представители интеллигенции, стремящиеся занять позиции авторитета и обладателя образцовым знанием, так или иначе отражающим социокультурную реальность, а с другой стороны – формирующаяся «официальная» наука об античности, рано или поздно меняющая свое амплу (как это произошло после распада СССР и соцлагеря), когда история развития академического сообщества попадает в сферу не только историографии и филиации идей, но и описания недавнего прошлого страны, политически и идеологически окрашенного новым амплу «официальности» исследований.

В книге представлены разные сюжеты функционирования центров преподавания и изучения всего комплекса классических дисциплин. Фокусируясь преимущественно на «героически-мученических» эпизодах, в которых трудно различить национальные компоненты (тенденция к сокращению часов и исключению из учебных программ дисциплин классики характерна для всех стран социалистического лагеря), авторы пытаются представить античное наследие и антиковедение как опыт, описание которого позволит лучше осмыслить современное по-

---

⁵ Однако в публикациях последних лет, посвященных советской историографии античности, авторы стремятся критически осмыслить и индивидуальные симпатии каждого конкретного ученого к марксизму. См.: Ладынин 2016. С. 9-32.

ложение культурных традиций и исторической памяти. Так А. Ясиновский, в статье с говорящим названием «Гуманитарии в эру антигуманности: случай классиков Украины (1945–1991)», утверждает, что антиковеды, «как интеллектуальный авангард украинского общества, были отнесены к врагам народа и преследовались представителями советского тоталитарного режима» (75). Те же, кто оказывался вне очерченных границ изучения античности, был изгнан из официальной науки, но уважаем (вероятно, негласно – А.А.) в интеллектуальных кругах и почитаем после 1991 г. как герой-мученик. Такими личностями, к примеру, стали профессор классической филологии и эллинист А. Билецкий (до момента, когда Украина стала свободной, он «играл лишь вспомогательную роль в Киевском университете»), и С. Лурье, фактически превратившийся, согласно автору, в национального героя украинского антиковедения, и превращение это произошло скорее из-за изгнания Лурье из Ленинградского университета в связи с борьбой против космополитизма, чем по иным, например, профессиональным мотивам. Рассуждая о судьбах антиковедения в Львовском университете (единственном центре антиковедения на Украине, продолжающим традицию с XVIII в.), автор упоминает Лурье в плеяде менее известных фигур украинского антиковедения, называя его назначение в Львовский университет «интеллектуальной инъекцией для местной школы классической филологии, ослабленной после Второй мировой войны» (78–80). Найдя «академическое убежище» в Львовском университете, Лурье действительно проработал здесь до своей смерти в 1964 г., однако контекст статьи и диссидентская риторика не подходят к описанию судьбы С. Лурье – ведь недолгие «гонения» репрессивной системы сменились всесоюзным признанием заслуг и выдающейся роли ученого в советском антиковедении. Это было отражено, в частности, на страницах «Вестника древней истории», где в заметке о предстоящем 70-летнем юбилее ученого отмечается, что Лурье стоит в первых рядах советских исследователей античного мира⁶. Диссидентская риторика перекликается у автора с идеей свободы, которая воплощается в *не-подцензурных* темах антиковедения, а «главной целью преследований была остановка социальных процессов, которые были индикаторами возрождения социальной и культурной жизни Украины в 60-е гг.» (84).

Другая сторона «не-подцензурного» статуса античности может быть найдена в досоциалистической истории преподавания античности в отдельных странах. И хотя признанные пережитком «буржуазного прошлого» системы преподавания и изучения античности канули в лету после 1945 г., воспоминания о них стали ключевой темой сопротивления официальной коммунистической доктрине в науке. Установле-

---

⁶ См.: Вестник древней истории 1960. С. 196.

ние коммунистического режима и образовательная реформа в Чехословакии (в столице которой в 1346 г. был основан первый в Центральной Европе университет, ознаменовавший собой поворот к латинской, т.е. западной традиции) отрезали интеллигенцию от ее корней, что автор статьи о классической филологии в «коммунистической Чехословакии» сравнивает с процессом коллективизации земли или конфискацией собственности под эгидой национализации (106). «Злодеями» в подобном «лишении корней» признаются члены своего же профессионального сообщества, занимавшие высокие посты и представлявшие национальную науку на протяжении нескольких десятилетий. Остается, однако, остается вопрос – было ли подобное предательство «свободной интеллигенции» под натиском коммунистического режима следствием личных амбиций или же вынужденным актом подчинения для сохранения относительной свободы в профессии? Таков случай «блестяще образованного интеллектуала из “старой школы” и видного чехословацкого профессора Зденека Неедлы» (107), который стал первым коммунистическим министром образования, очень властным, но непопулярным, как отмечает автор, и его трагедия отражает «трагическую судьбу всей интеллигенции – разочарование в собственных стремлениях, предательство принципов и действия против европейской интеллектуальной традиции и ее наследия» (107).

На другом полюсе системы, породившей предательство, находится героизм – судьба антиковедов, до последнего отстаивающих сохранение старых, досоциалистических институтов и центров образования. Статья Д. Морвина посвящена биографиям четырех словенских директоров классических гимназий. Наиболее трагичная из них – судьба директора третьей гимназии Любляны Иосипа Илка. Будучи самым квалифицированным специалистом по латыни в Словении начала XX века, в период нацистской оккупации он стал директором Люблянской гимназии. Факт его сотрудничества с профашистским правительством нивелирован стремлением ученого «спасти здание, занятое вермахтом и попытками организовать уроки в другом месте...» (137), а истинная, по мнению Морвина, причина травли Илка в послевоенное время связана с партийным планом по развалу профессионального сообщества. Илк, «перебрасывался из одной школы в другую и должен был преподавать словенский язык и физику, а также читать лекции на курсах для экспартизан и активистов в рабочей вечерней гимназии, пока он, наконец, не остановился в Третьей гимназии. В 1947 г. он вынужден был пройти курс переподготовки по математике, чтобы сохранить работу» (138).

Случай Боснии и Герцеговины подтверждает политический статус антиковедения. Его уничтожали в социалистической республике как инструмент Римской католической церкви и «гуманистической гражданской элиты», сохраняя «имитацию» досоциалистических учебных

планов, но «изменяя их... для массового воспитания социалистической молодежи» (166). Однако, при «очищении “реакционного элемента” классических языков и традиции, которую они представляли, коммунисты не смогли нейтрализовать этно-национализм, сепаратизм, экономические последствия и многие другие гораздо более опасные угрозы, которые в конечном итоге привели к трагическому финалу» (166).

Куда больше «повезло» странам, территории которых входили в границы античной ойкумены и сохранили следы античной цивилизации, как демонстрирует Н. Панова в статье об отношении к преподаванию античности в Болгарии; или тем, которые участвовали в процессе интерпретации античного прошлого, обнаруживая принадлежность к неолатинской и церковной традиции, что представил автор статьи, посвященной переводу и изданию хорватских латинских писателей в период апогея югославского социализма. В Болгарии античность оказывается в удивительном для восточноевропейского региона положении, получив государственную поддержку и в прямом смысле став орудием пропаганды коммунистического режима. Благодаря активной государственной протекции, фракийское наследие, по большей части сохранившееся в материальных памятниках на территории Болгарии, дало начало «фракийскому мифу», который распространился за пределы страны, став своеобразным символом коммунистической идеологии. Немалую роль в этом сыграла Л. Живкова, дочь генерального секретаря коммунистической партии Болгарии, способствуя созданию новой «антично-коммунистической» идеологии, в основу которой было положено «устремление к коммунизму», где гениальные предвестники античности и эпохи Возрождения, «эстетически создадут нового человека и человека будущего...» (176). Так фракийская культура, преемницей которой является социалистическая Болгария, ставилась в один ряд с греческой и римской традициями, а в некоторых случаях говорилось и о непосредственном влиянии фракийцев на греков и римлян (185). «Болгария как колыбель античной культуры» (181) имела свой центр подготовки кадров в русле обозначенных идей – созданную в 1977 г. Национальную гимназию античных языков и цивилизаций, в которой обучение было сосредоточено сразу на трех важных составляющих – фракийском, старославянском и православном наследии (177). Аналогичное развитие антиковедения претерпело и на территории Хорватии. Вопреки тенденции соседних государств маркировать классическое образование как «продукт элиты, предназначенный для элиты» (194), в Хорватии корпус источников на латинском языке, составляющий национальное литературное наследие хорватской культуры, «пероткрыл» в социалистический период Мирослав Крлежа. Во многом схожее с Болгарией, положение подразумевало актуализацию литературы на латинском языке в общепринятом направлении, провозглашенном

И.Б. Тито, которое можно охарактеризовать как более открытая, чем в СССР, культурная политика (196), что являлось частью «третьего пути» Югославии – новой идеологической парадигмы, в которой Югославия виделась медиатором между Востоком и Западом (197). Созданный Крлежа Институт лексикографии в Загребе стал средоточием не только возрожденной латинской традиции, но и национальных идей. Собрание латиноязычных текстов хорватских авторов претендовало на роль общего югославского наследия, отражая внутреннюю разногласия в объединенных государствах. Употребление обозначений «наша цивилизация», «наши латинисты», «наша литература», утверждает автор статьи, ставит вопрос о национальных идентичностях и создании «новой наднациональной универсальной культуры, сочетающей индивидуальные “национальные” культуры в мультиэтничной стране» (202). «Восточно-европейские латинисты получили признание во всей Западной Европе...» (203), и посредством латинских писателей «Хорватия станет неотъемлемой и выдающейся частью Европы...» (208).

Интересным завершением рассмотрения восточноевропейского дискурса античности может быть статья о судьбе социалистических схолий к античному наследию и классическим дисциплинам после падения железного занавеса и коммунистической «официальной науки». На примере Польши Г. Четвертинска рассматривает место и роль изучения латинского языка и античной культуры в общем образовании в 1990-е гг. Несмотря на идеалистическую картину «диссидентской античности», после обретения независимости и единения с Западной Европой, преподавание античности уходит на задний план, становясь частью того самого прошлого, которое страны бывшего соцлагеря хотели бы забыть. Отвечая на вопрос, почему латынь в Польше не стала популярнее после 1989 г., автор пишет: бывшая популярность «связана с защитой латыни, притесняемой по политическим мотивам в послевоенный период и охраняемой во имя ценностей, которые выходят далеко за рамки содержания самого предмета. Во времена свободы больше не было необходимости в такой защите» (282).

Итак, возможно, мода на античность и антиковедение в Центрально-Восточной Европе прошла, но память об этом осталась и стала частью новых направлений осмысления прошлого.

Более широкая постановка проблемы рецепции античности в регионе, выгодно отличает второе из рецензируемых изданий⁷. Довлеющий над Восточной Европой опыт тоталитарного социалистического прошлого обнаруживает себя в размышлениях о восприятии богатого культурного наследия этих стран. Так, в культуре и архитектуре Арме-

---

⁷ A Handbook to Classical Reception 2017. Страницы книги указываются в круглых скобках в тексте статьи.

нии, которая являлась частью античного мира, присутствует особое культивирование античных образов и принципов (513). В XX в. обращение в Армении к классической культуре, «связано с художественным поиском и попытками сохранения армянского национального искусства в соответствии с самыми высокими мировыми стандартами, а не с отражением коммунистической идеологии» (514-515). Именно присутствие античного элемента в национальной армянской культуре не позволило т.н. социалистическому реализму занять лидирующие позиции в Армении. Еще более претенциозно в своем стремлении «возврата к истокам» выглядит Грузия со своими множественными отсылками античной истории и мифологии (541). «Неудивительно, что миф об аргонавтах стал одним из координационных центров культуры. Грузины ссылались на этот миф, чтобы утвердить историю и культурное богатство своей нации, в то время как русские пытались принять на себя роль Ясона, того, кто приносит цивилизацию» (544). Виток грузинского возрождения античности, вызванный желанием «возродить древние связи с Европой», в XXI в. стал политически ангажированным: древняя мифология фигурировала в политической риторике «в качестве свидетельства грузинской европейскости» (545).

Поиск авторами книги новой идентичности в древнем наследии заслуживает внимания не только с позиции переосмысления социалистического опыта, но и с точки зрения истории культуры отдельных стран. Рецепция античности предстает здесь социокультурным феноменом, позволяющим увидеть отнюдь не «классически-европейские» смыслы и образы греко-римской древности. Так, в Румынии измерителем настроений в обществе становится отношение к древнеримскому прошлому, которое менялось в зависимости от провозглашенного правительством курса. Своеобразным барометром был неофициально провозглашен Трофей Траяна – памятник императору Траяну, воздвигнутый в 109 г. н.э. на территории римской провинции Мёзия в честь завоевания Траяном даков. Первые археологические изыскания на месте несохранившегося комплекса начались в конце XIX в., когда многие румыны гордились идеей смешанного дакийского происхождения. «В этот период Трофей был широко известен в качестве памятника власти, как Рима, так и родного дакийского государства, а также эпичного характера войны между ними, в которой берут начало корни румынского народа» (314). В то же время культивировался негативный взгляд на римское и дакийское взаимодействие с акцентом на критику римского военного завоевания свободного населения. И эта перспектива, как показывает автор, вышла на первый план, со времени присоединения Румынии к социалистическому лагерю после Второй мировой войны. История навеяна отчетливо марксистскими сюжетами: римляне стали нежелательными оккупантами, а даки эксплуатируемым низшим клас-

сом. «Согласно наиболее популярному мнению того времени, не было смешивания римлян и автохтонного населения, а румынские предки были чисто даками» (314). Но традиция не стала однородной, а вновь сделала крутой поворот в 1960-е гг., когда на передний план в политическом курсе вышло стремление к большей независимости от СССР, и «многие румыны вернулись к приветствию идеи смешанного Дако-Римского происхождения» (315). В последующие десятилетия наблюдался всплеск интереса к комплексу Трофея Траяна и шквал новых реконструкций, самой известной из которых стала реконструкция 1977 г. В новейшей истории Румынии «памятник служит свидетельством прошлого насилия, даже если оно внушает гордость, указывая на центральное место Румынии в европейской истории» (323)⁸.

Если в Румынии индикатором настроений и отношения к античной истории в обществе служили археологические остатки, то в Венгрии в сферу политических штудий об античности попал римский поэт I в. до н.э. Гораций. На протяжении трех столетий Гораций то становился «венгерским поэтом», то был отчужден вследствие политической нестабильности и подражания его творчеству разных политических сил. Особым отношением был отмечен его неоднозначный поступок – покинуть Рим и эмигрировать на Острова Блаженных (видимо, имеется в виду отрывок из книги «Эподы» – А.А.). Именно этот поступок оказался подходящим для венгерского интеллектуала перед Второй мировой войной. Программа внутренней эмиграции предполагала, что лучшая часть общества должна изолировать себя от худшей. «Либеральный интеллектуал мог интерпретировать это как внутреннюю эмиграцию из политической (протонацистской) реальности, для правого интеллектуала внутренняя эмиграция предполагала уход из либеральной и агностической культурной реальности, а аполитичный интеллектуал внутренне эмигрировал из повседневной действительности, отмеченной политическим конфликтом...» (255).

Другое социокультурное обоснование рецепции предлагает случай Польши. Показателем политического обращения к античному наследию стали литературные памятники Речи Посполитой. Латынь, как главное связующее с античным наследием звено и язык дворянства, стала языком политической нации Польско-Литовской унии: польский с латинскими заимствованиями стал наднациональным языком дворян-

---

⁸ В «темные» годы Коммунизма (1947–1989) была изобретена новая концепция уникальности румынской культуры. Термин протохронизм служил для сведения к минимуму влияния классической древности на Румынию. Ученые будут конкурировать за возможность продемонстрировать превосходство архаического наследия Дакии над греческой и римской цивилизацией в тот период, с целью доказать, что, если за столом с гигантами Запада румынам нет места, значит, культурная история нуждается в повторной демонстрации былого превосходства (284).

ства (193), а более элитарный язык, латинские вкрапления которого улучшают текст, отсылает к республиканскому Риму, и, таким образом, «дворянин, использующий такую латынь, имел в виду идеальное сообщество прошлого, одновременно объявляя свое особое право на преемственность», что Е. Аксер воспринимает как «действительно “сыновнее отношение к истории”» (194).

Итак, «Восточная Европа заново обретает античность». Новые для читателя сюжеты: от символизма элементов античной традиции в национально-возрожденческом искусстве и архитектуре Праги (133-145) – до социалистического образа Ореста в театре, который, убивая тиранов и узурпаторов власти, олицетворял процесс демократизации и путь к социализму и коммунизму, но селл чувство «тревоги беспомощной игрушки в борьбе анонимных сил» (147), каковым он предстал на театральной сцене Чехословакии после 1968 г.; от советского построения будущего без прошлого (451-456) – до югославского забвения антиковедения как «национал-клерикального» образования классового общества (329-335), – дают представление о том, как Восточная Европа продолжает «изобретать» миф о себе.

Напрасным будет обращаться к данным изданиям с целью формирования представлений о восточно-европейской историографии античности или истории идей, в них практически нет цельных образов и концептов, посвященных историографическим направлениям и поворотам, методологическим концепциям и построениям, объясняющим те или иные аспекты развития и трансформации античной цивилизации и культуры. Однако подобные издания ценны другим. Представленный в них образ античности позволяет положительно ответить на вопрос о существовании «социалистической античности» в Центрально-Восточной Европе, и, хотя социалистический период стал таким же прошлым, как и античность, память о нем, равно как и репрезентация античности, в странах Восточной Европы, оказывается задействованной в построении современного знания об истории.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Брагинская Н. Как изживали классику и как она выживала (Размышления над книгой «Античные авторы и коммунизм») // НЛЮ. 2014. № 5. С. 324-342. [Braginskaya N. Kak izzhivali klassiku i kak ona vyzhivala (Razmyshleniya nad knigoi «Antichnye avtory i kommunizm») // Novoe literaturnoe obozrenie. 2014. № 5. С. 324-342]
- К 70-летию профессора С.Я. Лурье // Вестник древней истории. 1960. № 4. С. 196-204. [K 70-letiyu professora S.YA. Lur'e // Vestnik drevnej istorii. 1960. № 4. S. 196-204]
- Ладынин И. Особенности ландшафта (Насколько марксистской была «советская древность»?) // Вестник университета Дмитрия Пожарского. 2016. № 2 (4). С. 9-32. [Ladynin I. Osobennosti landshafta (Naskol'ko marksistskoj byla «sovetskaya drevnost'») // Vestnik universiteta Dmitriya Pozharskogo. 2016. № 2 (4). S. 9-32]
- A Handbook to Classical Reception in Eastern and Central Europe / ed. by Z.M. Torlone, D.L. Munteanu, D. Dutsch. Oxford: Wiley-Blackwell Pub., 2017. 632 p.

- Churchill W. Never Give In! The Best of Winston Churchill's Speeches. N.Y.: Hachette Books, 2004. 560 p.
- Classical Antiquity on Communist Stage in Poland. Ancient Theatre as an Ideological Medium: A Critical Review / ed. by E. Olechowska. Warsaw: University of Warsaw, Faculty of "Artes Liberales", 2015. 410 p.
- Classics and Class. Greek and Latin Classics and Communism at School / ed. by D. Movrin, E. Olechowska. Warsaw: Wydawnictwo DiG, 2016. 572 p.
- Greek and Roman Classics in the British Struggle for Social Reform / ed. by H. Stead, E. Hall. L.: Bloomsbury Academic, 2015. 384 p.

Ашаева Анастасия Валерьевна, Институт международных отношений, истории и востоковедения, Казанский федеральный университет; Ashaeva.nv@gmail.com

“Is there a socialist antiquity?”: several notes on the reception of Classics in the countries of Central and Eastern Europe

The article reviews the collective monograph «Classics and Class. Greek and Latin Classics and Communism at School. Warszawa: Wydawnictwo DiG, 2016» and «A Handbook to Classical Reception in Eastern and Central Europe. Oxford: Wiley-Blackwell Pub., 2017», which clearly demonstrates that the problem of the reception of Classics is not only a matter of academic interest, but also an urgent agenda for the discussion of cultural policy, historical memory, historical and cultural identity of the countries of the Central-Eastern European area, which, in the case of the comprehension of the ancient heritage, is based not so much on geographical as on sociocultural boundaries. The region of Central and Eastern Europe consist of 13 countries (including in addition to Croatia, Slovenia, Czech Republic, Poland, Hungary, Romania, Bosnia and Herzegovina, Serbia, Montenegro, Bulgaria, Russia, Armenia and Georgia). Peer-reviewed publications, in fact, bring an end to the question of the existence of another independent tradition in connection to the ancient past in the context of the cultural and historical specificity of the region.

Keywords: Greco-Roman antiquity, classical studies, reception of antiquity, Central-Eastern Europe, socialism, Russia, identity, image of the Other, dialogue of cultures

Anastasia Ashaeva, Department of World History, Institute of International Relations, History and Oriental Studies, Kazan Federal University; Ashaeva.nv@gmail.com